

БИАРМИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

А. Л. Никитин

После исследования К. Ф. Тиандера¹, казалось бы, исчерпавшего данную тему, вопрос о местоположении Биармии и плаваниях древних скандинавов в Белое море уже не обсуждался в литературе. Все исследователи, так или иначе касавшиеся этого предмета, или повторяли его выводы², или развивали и дополняли их³. Так сложилось устойчивое представление о существовании в VIII—X вв. на правом берегу Северной Двины (по Тиандеру) или более широко — на землях, примыкавших с юга к побережью Белого моря, — загадочной страны Биармии (Viatland норвежских саг), населенной биармийцами, поклонявшимися богу Йомала и вступавшими в торговые контакты с посещавшими их часто норвежскими викингами⁴. Между тем внимательное ознакомление с работой Тиандера приводит к заключению, что выводы ее далеко не бесспорны, а частный, казалось бы, вопрос — посещали ли в IX—X вв. норвежские мореходы берега Белого моря? — оказывается весьма существенным, едва только мы выходим за пределы истории собственно географических открытий.

Определение действительного положения Биармии является вопросом первостепенной важности для начального этапа русской истории. Согласно сагам, биармийцы были не только ближайшими соседями Руси, но и активно участвовали в некоторых событиях внутри Русского государства, не получивших еще достаточного объяснения⁵. В то же время летописи и документы IX—XI вв. не знают ни Биармии, ни биармийцев. Ничего схожего с этим народом не встречает в северном Подвинье ни новгородская, ни московская колонизация. Более того, многочисленные, насчитывающие уже около 100 лет археологические исследования бассейна Северной Двины и берегов Белого моря до сих пор не обнаружили ни одного предмета или явления, указывающих на какие бы то

¹ К. Тиандер. Поездки скандинавов на Белое море. СПб. 1906. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц в квадратных скобках (на пример: [301] — то есть К. Тиандер. Указ. соч., стр. 301).

² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 80.

³ И. П. Шаскольский. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. «Исторические связи Скандинавии и России». Л. 1970, стр. 44—46, и др.

⁴ «Биармия». «Советская историческая энциклопедия». Т. 2. М. 1962, стр. 396. (Ср.: «Биармия». «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Т. IV. СПб. 1891, стр. 26—27). Обзор мнений предшественников Тиандера дан в работе С. К. Кузнецова «К вопросу о Биармии» («Этнографическое обозрение». Кн. LXV—LXVI. М. 1905). К сожалению, в перечне наиболее авторитетных противников размещения Биармии на Белом море С. К. Кузнецов не указал В. Крестнина, первого, кто всесторонне исследовал этот вопрос на месте и с категоричностью писал, что следует «исключить из истории города Холмогор все чужестранные торги, присвоенные прежде 16 века сему месту, которое никогда столицей в Биармии не бывало и которому также чуждо имя города Ункарада» (В. Крестнин. Начертание истории города Холмогор. СПб. 1790, стр. 29).

⁵ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М. 1957, стр. 71—169.

ни было (торговые, военные, культурные) контакты этого района со скандинавскими странами в IX—XI веках.

Наконец, существует еще один аспект проблемы, ни разу не поднимавшийся до сих пор, хотя он имеет принципиальное значение для истории всего североευропейского и атлантического региона. Так, если вслед за Тиандером признать открытие северного морского пути из Норвегии в Белое море и Подвинье в середине IX в., то чем объяснить исключительно западное — в Атлантику, к Исландии и Гренландии, — а не восточное направление норвежской эмиграции, возникающей в то же самое время, когда, гораздо ближе на востоке, на пути в страну биармийцев, глазам викингов должны были открыться богатые, обильные зверем, рыбой и лесом «пустынные земли»?! Насколько земли русского Севера — все Беломорье по Зимнему, Летнему, Карельскому и Терскому берегам — были готовы для беспрепятственной колонизации даже два-три века спустя, можно видеть на примере новгородцев, быстро и безболезненно закрепивших за собой обширную территорию и лишь в начале XIII в. встретивших к северу от Ботнического залива шведских сборщиков дани⁶.

Внимательное изучение труда Тиандера, в котором собран и обработан обширный фактический материал, приводит к выводу, что с самого начала исследователь допустил три ошибки, которые предопределили как его подход к источникам, так и конечный результат их анализа: 1) объяснение известий о Севере исключительно сквозь призму «царства мертвых», 2) этимологический анализ личных имен, топонимов и этнонимов в русле «мифологической школы», 3) убеждение, что первым норвежцем, открывшим северный морской путь в Белое море и Биармию, был Отер англосаксонского перевода книги Павла Орозия «De miseria mundi». В результате внимание Тиандера оказалось обращено не на морфологический анализ скандинавских саг (позволяющий вычленив из общей ткани повествования фрагменты, непосредственно относящиеся к Биармии, для последующего исторического, географического и реального разбора содержащейся в них информации), а на происхождение и взаимовлияние самих сюжетов. Точно так же его этимологические изыскания, доказывающие тождество и взаимосвязь имен (Гандвик и Кандалакша, Биармия и Пермь), от рассмотрения лишь возможности незаметно переходят в утверждение [58—78]. В результате Биармия и биармийцы получают имя от езжих скандинавов, усваивают его, искажают, передают финнам, через которых оно попадает к русским колонистам, приспособляющим его для собственных нужд [68—69]. Естественно, все это лежит вне научной критики.

Для современного исследователя первые две ошибки Тиандера очевидны а priori. Сложнее дело с «рассказом Отера» [52—58], являющимся одним из двух аргументов в пользу «северного пути» и беломорского расположения Биармии. Из этого текста⁷ Тиандер заключает, что Отер

⁶ Е. А. Рьдзевская. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе. «Исторические связи Скандинавии и России», стр. 325—326.

⁷ Привожу отрывок в переводе К. Тиандера, более точном, чем перевод С. К. Кузнецова. Курсивом выделен текст, относящийся к Биармии, разрядкой — глоссы. «Отер рассказывал своему государю, королю Альфреду, что он живет севернее всех норманнов. Он прибавил, что живет в стране, расположенной на севере от Западного моря. Он, однако, говорил, что эта страна оттуда еще простирается очень далеко на север, но она вся пустынна, и только на немногих местах поселились здесь и там финны, занимаясь зимой охотой, а летом рыбным промыслом на море. Он рассказывал, что однажды хотел испытать, далеко ли эта земля простирается на север и живет ли кто на севере от этой пустыни. Тогда он поехал на север вдоль берега: все время в течение трех дней на правой стороне у него оставалась пустынная страна, а открытое море по левой. Тогда он достиг северной высоты, дальше которой китоловы никогда не ездят. Он же продолжал путь на север, на сколько еще мог проехать в другие три дня. Тут берег сворачивал на восток или же море врезалось в страну; известно ему было только то, что ему пришлось там ждать попутного ветра с запада

жил около 65° северной широты на западном побережье Норвегии (примерно здесь известен остров Оттер-Ö), отплыл на север и за 15 дней плавания, то есть делая по 70 морских миль в сутки, обогнул Нордкап, Святой Нос, Кольский полуостров и достиг устья Северной Двины, где обитали биармийцы. Утверждения эти являются большей фантастикой, чем приключения «лживых саг» и поездок в «страну мертвых», хотя бы потому, что вычисленная Тиандером скорость Отера превышает возможную в пять (!) раз [54]. Полное отсутствие в отрывке топонимов делает невозможным хоть как-то конкретизировать маршрут Отера. Но главное возражение заключается в самом тексте.

Внимательное чтение «рассказа Отера» обнаруживает присутствие в нем двух повествований, механически соединенных. Первый отрывок обрывается на словах «в другие три дня». Второй текст стилистически отличается от первого, начинается с «Тут берег...» и продолжается до слов «по одной стороне реки». После обрыва первый текст продолжается словами «Все же время...» до «открытое море». Фразу, разрывающую два эти отрывка — «Это была первая населенная страна, которую они нашли с тех пор, как оставили свои собственные дома», — можно считать глоссой писца или составителя, в которой неожиданно множественное число «они». Затем следует второй текст «Страна биармийцев...» до «поехать туда», а также фраза «Много вещей...» до «...не видал», на которой он заканчивается. Все остальное принадлежит первому тексту, за исключением фразы «Фины, казалось ему, и биармийцы говорят почти на одном и том же языке», представляющей собой вторую глоссу. Таким образом, перед нами искусственное соединение двух рассказов — о северной поездке Отера и о биармийцах — вот почему последние появляются так неожиданно, нарушая логику повествования и удивляя переводчика.

Насколько такое объяснение правомочно? Тиандер считает приведенный текст собственноручной записью Альфреда Великого беседы с Отером [52]. Однако перед нами не беседа и даже не ответы Отера, а лишь их содержание в изложении писца. Но Тиандер забывает о другом. Во-первых, король беседовал не с одним Отером, а с Отером и другим путешественником, Вульфстаном, что отразило множественное число глоссы; во-вторых, дополнения короля Альфреда к сочинению П. Орозия касаются сведений не только о Севере, но и о Балтийском море [53], о плавании по которому рассказывал Вульфстан. Выделенные курсивом фразы в тексте Отера относятся, по-видимому, к этому второму рассказу, состоявшему из таких же ответов на вопросы, как и пер-

и отчасти с севера, а потом он поплыл вдоль берега на восток, сколько мог проехать в четыре дня. Тогда он принужден был ждать прямого северного ветра, потому что берег здесь сворачивал на юг или же море врезалось в страну, — этого он не знал. Тогда он плыл отсюда к югу вдоль берега, сколько мог проехать в пять дней. Там большая река вела во внутрь страны. Тогда они уже в самой реке повернули обратно, потому что не смели подняться вверх по самой реке, боясь враждебного нападения; эта страна была заселена по одной стороне реки. Это была первая населенная страна, которую они нашли с тех пор, как оставили свои собственные дома. Все же время по правой руке их была пустынная страна, исключая поселения рыбаков, птицеловов и охотников, которые все были фины; по левой же их руке было открытое море. Страна биармийцев была весьма хорошо населена, но они не посмели поехать туда. Но земля терфинов была совсем пустынная, кроме отдельных местечек, где жили рыбаки, охотники и птицеловы. Много вещей ему рассказывали биармийцы, как об их собственной стране, так и о странах, лежащих кругом; но он не мог проверить их достоверность, потому что сам он их не видал. Фины, казалось ему, и биармийцы говорят почти на одном и том же языке. Вскоре он опять поехал туда, интересуясь природой этой страны, а также и из-за моржэй, потому что их зубы представляли собою весьма драгоценную кость — несколько таких зубов он преподнес королю, а их кожа была в высшей степени пригодна для корабельных канатов. Киты же там гораздо меньше обыкновенных; они в длину не больше семи локтей. В его собственной стране, правда, наилучшая ловля китов; там они длиной в 48 локтей, самые большие же в 50...» [стр. 53—56].

вый. Альфред расспрашивал Отера и Вульфстана одновременно, поэтому не приходится удивляться чередующимся ответам, внесшим путаницу в работу писца. Апелляция Тиандера к авторитету предшествующих издателей и комментаторов не спасает положения, поскольку факт путешествия Отера в Белое море не подтверждается содержащимися в его рассказе реалиями, а сведения о стране биармийцев относятся к иному источнику, как можно думать, связанному с географией Балтики⁸.

Итак, основные положения Тиандера не выдерживают критики, оставляя нас в неведении относительно действительного местонахождения Биармии. Поэтому обратимся к источникам, которыми он пользовался. Наличие литературы, специально посвященной сагам⁹, равно как и переводы саг¹⁰ освобождают от необходимости объяснять здесь их место в сокровищнице мировой культуры. Автор настоящей статьи считает, что дошедшие до нас в записях XIII—XV вв. саги, повествуя о событиях «героической эпохи» IX — начала XI в., сохранили в своей ткани географические, этнографические и исторические свидетельства, входящие в «золотой фонд» истории Северной Европы. Такое определение расходится с концепцией Б. Торстейнссона, рассматривающего исландские родовые саги почти исключительно в качестве художественных произведений¹¹, и распространяет достоверность их известий на значительно более раннюю эпоху, чем время их написания¹². Общий анализ саг убеждает в трезвом и расчетливом реализме авторов и их героев, чуждом фантастики, религиозности, уважения к мертвым, что может рассматриваться в качестве специфики той эпохи¹³.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с соответствующими местами саг, содержащих известия о Биармии, — сочетание «i austrveg um Viarmaland», то есть «на восточном пути вокруг Биармии» [278, 295], порою заменяемое просто указанием «i austrveg». «На восточный путь» с неизбежностью попадает всякий, кто отправляется в Биармию. На «восточный путь» встают Одд, Гиерлейф, Боси, Гальдфдан, Гаук Ястреб, Карли и Торир Собака; «с восточного пути», как нечто разумееющееся, совершает набег на Биармию Арнгрим, отец шведских бер-

⁸ См. Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М. 1950, стр. 43.

⁹ М. И. Стеблин-Каменский. Снорри Стурлуссон и его «Эдда». «Младшая Эдда». Л. 1970, стр. 101—117; его же. Мир саги. Л. 1971; А. Я. Гуревич. История и сага. М. 1972, и др.

¹⁰ «Древне-северные саги и песни скальдов в переводах русских писателей». «Русская классная библиотека под ред. А. Н. Чудинова». Вып. XXV. СПб. 1903; «Сага о Вольсунгах». М.-Л. 1934; «Исландские саги». Редакция, вступительная статья и примечания М. И. Стеблин-Каменского. М. 1956.

¹¹ «Каждый, кто хочет выяснить себе сущность исландских саг, причины их появления и оригинальность, должен понять, что они являются реалистической литературой определенного общественного строя... Они выдуманы, но повествование держится в тех рамках, которые не извращают представлений того времени о героической эпохе» (Б. Торстейнссон. Исландские саги и историческая действительность. «Скандинавский сборник». III. Таллин. 1958, стр. 213).

¹² Сходным образом относится к родовой саге А. Я. Гуревич (А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. 1967, стр. 8—9; его же. История и сага).

¹³ Также специфической чертой скандинавской литературы, выделяющей саги из литературного творчества других народов Северной и Восточной Европы, является вера в вещие сны и в прорицания. Для поздних саг обычны многочисленные интерполяции, слияния (контаминации) двух и более сюжетов, их удвоение и утроение, когда происходит возрастание фантастического элемента под влиянием кельтической (британской и ирландской) литературы, мифологического фольклора самой Скандинавии (эддические реминисценции, «колдовство» лапландцев) и проникновения с Востока и из Центральной Европы «бродячих» сказочных сюжетов. С одной стороны, это усложняет анализ саг, уводя в сторону, как то произошло с Тиандером; с другой стороны, облегчает задачу, обнажая структуру сюжета, его морфологический «каркас» известий о Биармии, каким служит направление поездки, описание и приметы пути, топография Биармии и сведения о самих биармийцах, — все то, что отвечает определенному литературному «этикету».

серков, участников «самсейского боя» [278]. Исключением является лишь поездка Эгиля Скаллаgrimссона и Торольва, которые вместо Биармии оказываются почему-то в Курляндии¹⁴. Все это доказывает, что перед нами не просто указание на страну света («на восток»), а, исходя из специфики скандинавской терминологии, именно «путь», столь же определенный и ясный маршрут, как «путь из варяг в греки». Отсутствие в сагах описания этого «восточного пути» служит лишь наглядным подтверждением его популярности, не требующим объяснений. На «восточном пути», рядом с Биармией и Кириалботном (Финский залив), находятся города Альдейгиуборг (Старая Ладога) и Алаборг [284—285], а в Эймундовой саге этот путь ведет и в Холмгард¹⁵. Последнее свидетельство приводит «восточный путь» с неопределенных просторов Северного и Балтийского морей на территорию Восточной Прибалтики и России. Но и здесь ему еще нет конца. Сказание о Торстейне Бьярмагне продолжает его и дальше, в Balagardssida [359], что является, по-видимому, не чем иным, как Волжской Болгарией. Таким образом, загадочный «восточный путь», порой толкуемый Тиандером как вариант «северного пути» или пути в «царство мертвых» [21, 86, 345], оказывается широко известным транзитным путем раннего средневековья, соединявшим страны Средней Азии и Прикаспия с торговыми центрами Балтики и Северной Европы.

Рассмотрим теперь последний аргумент Тиандера и его сторонников в пользу северного морского пути. Речь идет о Финмарке. Саги знают два Финмарка. Первый — реальный, населенный финами (лапландцами), куда ежегодно отправляются зимой для торговли, сбора дани и грабежа. Другой Финмарк — фантастический, населенный великанами, двергами, колдунами, чудовищами, заключающий в себе пресловутое «царство мертвых». В рассказах о поездках в Биармию присутствует только второй Финмарк, фантастический, разрывая повествование и вклиниваясь между отправной точкой путешествия и прибытием в Биармию. Ни с одним сюжетом такая «новелла» (цепь новелл) не связана. Некоторые герои этот Финмарк не знают и благополучно обходятся без него; другие попадают туда лишь однажды — или на пути в Биармию, или возвращаясь домой. Наконец, из двух сообщений об одном и том же походе в Биармию (Эйрик Кровавая Секира) одно посылает героя в Финмарк на обратном пути (за Гуннгильдой) [390], другое же о Финмарке ничего не говорит¹⁶. В ряде случаев можно заметить, что автор саги, отправляя действующих лиц в Финмарк, чувствует неловкость, так как, объявив их вступление на «острвег», он тут же сообщает, что они «поплыли на север» и «достигли Финмарка»¹⁷.

Исходя из положения современного Финмарка на севере Скандинавии Тиандер видел в посещении его героями (не замечая разницу между Финмарком фантастическим и Финмарком реальным) один из важных аргументов в пользу северного пути, а плавания в Биармию по Балтийскому морю (датчан и шведов) считал «выдумкой» Саксона Грамматика, которому «был неизвестен» «более короткий путь в Биармию» через Северный Ледовитый океан [339—340].

Появление в сагах фантастического Финмарка объясняется полным забвением географии «героической эпохи», в том числе «восточного пути» и положения Биармии, ко времени их записи. Вот почему герои большинства норвежских (исландских) саг отправляются в путешествие с западного побережья, а Швеция порой как бы вообще не существует или занимает незначительный клочок земли к востоку от Вика.

¹⁴ Сага об Эгиле. «Исландские саги», стр. 141.

¹⁵ Эймундова сага. «Древне-северные саги...», стр. 36.

¹⁶ Сага об Эгиле. «Исландские саги», стр. 127.

¹⁷ Орвародсага [116]. В Стурлаугсаге «восточный путь» превращается в «Восточный залив» (Austrvik) на севере за Финмарком [303].

К XII—XIII вв. забытая, исчезнувшая Биармия становится, как фантастический Финмарк, своего рода «землей неизвестной» для исландцев, равно как и вся балтийская география. Вот почему Снорри Стурлуссон помещает в сагу об Эгиле любопытный географический отрывок, помогающий читателям того времени (а кстати и нам) ориентироваться в приключениях героя: «Финмарк— обширная страна. На западе, на севере и всюду на востоке от нее лежит море (то есть «конец света». — *А. Н.*), и от него идут большие фиорды. На юге же находится Норвегия, и Финмарк тянется с внутренней стороны почти так же далеко на юг, как Халогаланд по берегу. А восточнее Наумудаля лежит Ямталанд, затем Хельсингяланд, потом страна квеннов, потом страна карелов (современная Финляндия — *А. Н.*). Финмарк же лежит севернее всех этих земель. Далеко на север по Финмарку идут стойбища, одни в горах, другие в долинах, а некоторые у озер. В Финмарке есть удивительно большие озера, а вокруг них — большие леса, и из конца в конец через всю страну тянется цепь высоких гор. Ее называют Квелир»¹⁸.

Лишь ощущая себя в Исландии норвежцем, можно было написать столь проникнутые чувством восторга и красоты строки! Для нас же важно, что Финмарк оказывается глубоко континентальной горной страной (как и Ямталанд), лежащей на восток от узкой береговой полосы, какой была в то время Западная Норвегия. Это же позволяет понять появление в Финмарке колбягов¹⁹, пришедших с «востока», то есть со стороны Ботнического залива. Обходя эти географические препятствия, Снорри вынужден отправить Карли (который выехал в Биармию из Сарпсборга, Вик, где находился король Олаф, и прибыл «восточным путем» в Упланд) через горы (!) в Нидаросс на западный берег Норвегии только для того, чтобы он мог, встретившись с Ториром Собакой, «поехать на север» [407]. Наиболее ярко искусственность и условность «страны чудес» проявляется в саге о Торстейне Бьярмагне, когда тот, отправившись опять-таки «восточным путем», выходит на берег... в Ямталанде [361], вообще не имеющем выхода к морю! Все это убеждает, что и Финмарк, и Ямталанд, возникающие на «восточном пути» некоторых героев саг, являются не географическим, а условно-литературным понятием, приемом, позволяющим вводить в реалистическое повествование бесконечные фантастические приключения и фантомы, не имеющие никакого отношения к действительному пути в историческую Биармию. Такой вывод окончательно снимает вопрос о возможности северного морского пути в Белое море для указанного времени, а вместе с ним и о причинах, обусловивших исключительно западное направление норвежской эмиграции в IX—X веках.

Иначе обстоит дело с самой Биармией. Определение «острвега» в качестве пути, огибающего Биармию или проходящего рядом с ней, ведущего из Северного моря в Восточную Прибалтику и далее, в Волжскую Болгарию, значительно облегчает задачу наших поисков. Устойчиво и многократно связываемое с Биармией имя главной (единственной?) ее реки — Двина (*Vinu*) — и многочисленные от нее производные — Двинское устье (*Vinutuppi*), холмы Двины (*Vinubakka*), Двинский лес (*Vinuskogr*). — обращают наше внимание на Западную Двину и Рижский залив, на берегах которого, кстати сказать, сохранился топоним «Юрмала», созвучный имени биармийского святилища «Йомала» или «Юмала». Кстати, Двина северных саг, имеющая в их описаниях столь четкие и характерные признаки — впадение в море одним устьем без разветвленной дельты, холмистые берега, густой и высокий смешанный лес, отсутствие приливно-отливных циклов, — полностью соответствует

¹⁸ Сага об Эгиле «Исландские саги», стр. 85.

¹⁹ Там же, стр. 79. Колбяги — жители балтийского Поморья, а не «скандинавы» (там же, стр. 765), давшие имя польскому городу Колобжегу, где в XII в. находилась епископская кафедра.

природе Западной Двины (Даугавы), но абсолютно ничего общего не имеет с бесчисленными мелями и протоками дельты Северной Двины, ее низкими болотистыми равнинами, поросшими кустарником и угнетенным северным редколесьем. Действительно, по мере того, как мы сводим воедино описания саг, последние сомнения исчезают.

Сага об Олафе Святом, сохранившая начало пути Карли в Биармию, совершенно правильно отправила его из Вика в Упланд, ибо именно так, по свидетельству самого Тиандера, до недавнего времени проходил морской путь из Дании в Финский залив [18]. Бьери Бласида, отправляясь в Биармию из озера Меларн (Бирка), выходит в Балтийское море и поворачивает на север [431], к Аландским островам, от которых маршрут вел к Турку (в переводе — «торг»), а оттуда уже на восток, в Кириалботн (Финский залив)²⁰. Обычно герои, стремящиеся в Биармию для торговли, грабежа и воинских подвигов, оказываются сразу «в устье Двины» (Vipitupni). Так попадает в Биармию Стурлауг, Боси с побратимом Герраудом, Одд, Торир Собака, Гаральд Серый Плащ и его отец Эйрик Кровавая Секира, о котором скальд Глум сообщает у Саксона Грамматика: «На восточном пути я видел, как красноречивейший из князей опустошал пламенем деревни; напав с северной стороны, и видел, как бежали ополчения биармийцев; громкую славу приобрел на берегах Двины миротворец народов...» [394—395]. Единственное исключение составляет поездка Эгиля и Торольва, оказавшихся вместо Биармии в Курляндии, то есть к юго-западу от Рижского залива. Впрочем, «исключение» далеко не случайно. Саксон Грамматик рассказывает о походе Регнера на биармийцев сухим путем прямо из Дании, в результате которого на первых порах Регнер потерпел поражение и был вынужден отступить из Биармии «в землю куров и сембов» [338].

Если в саге об Эгиле можно было лишь предполагать соседство Биармии и Курляндии (Куронии)²¹, то из маршрута Регнера видно с несомненностью, что страна биармийцев находится к северу и северо-востоку от земель курунов и семигалов, непосредственно с ними соприкасаясь. С другой стороны, в Биармии живут «фины», с которыми биармийцы объединяются против шведов и датчан [320, 335]. На востоке за Биармией лежит Россия, откуда через биармийцев возвращается в Швецию Старкад [337]. Как уже говорилось, недалеко от Биармии находятся города Альдейгиюборг и Алаборг (то есть владения этих городов) и Финский залив [284—285]. Таким образом, указания на местоположение Биармии, совпадающей с территорией современных Латвии и Эстонии, настолько точны, что не приходится сомневаться, какую именно Двину имели в виду саги.

Очерчиваемую территорию следует также распространить к югу и западу от Рижского залива. Основанием для этого служит любопытное место Босасаги. Во время ограбления святилища Йомалы Боси освобождает из заключения Лейду, называющую себя сестрой Годмунда, правителя соседней с Биармией страны Glaesisvellir [298], находящейся от Биармии к югу. Последнее вытекает из сообщения саги, что Glaesisvellir — следующая за Биармией страна (от Норвегии) [229], что соответствует географии «острвега», идушего, как мы выяснили, из Норвегии через Упланд к Аландским островам, затем мимо Турку в Финский залив. После Турку происходит разделение: один путь идет на восток, к

²⁰ Здесь следует указать еще одну возможность объяснения упорного возврата саг к «фантастическому» Финмарку: его отождествление с Аландскими островами, которых саги, наоборот, совершенно не знают. Такой взгляд подтверждается кое-где сохранившимися указаниями саг на «островной» характер этого фантастического Финмарка (поездка Одда в Биармию). Если принять эту версию, то после Упланда «острвег» действительно ведет на север.

²¹ Сага об Эгиле. «Исландские саги», стр. 141.

устью Невы, а другой, в полном соответствии с вычленяемой нами частью рассказа Отера,— прямо на юг, к Биармии²². Странное название страны *Glaesisvellir* в сочетании с именем Годмунда прослеживается в некоторых фантастических сюжетах исключительно в связи с Биармией²³, что служит достаточной гарантией его неслучайности. В отличие от Тиандера, увидевшего в слове «*Glaesisvellir*» параллель к «стеклянной горе» немецких народных сказок, а несколько позднее — к «льду» в «царстве мертвых» [355], что позволило ему представить Годмунда мифическим хранителем «полей бессмертных» саги о путешественнике Эйрике [379, 383], этому слову есть иное объяснение. Возможно, под *Glaesisvellir* норвежских саг скрывается первоначальное название Куронии (если не вообще Биармии), восходящее к столь же древнему местному названию янтаря — «глез»²⁴ — которое приводит Тацит в рассказе об «эстиях»²⁵. Кто эти «эстии» — сами биармийцы или их соседи? — сказать пока трудно, но общий вывод подтверждается сагой о Торстейне Бьярмагне, напоминающем о биармийцах своим прозвищем — «Большой Бьярм». В странствиях «на восточном пути» (до этого Торстейн побывал в Болгарах) он встречает того же Годмунда, который сообщает викингу, что теперь *Glaesisvellir* подчиняется правителям *Risaland* [362]. Предыдущие исследователи, в том числе и Тиандер, видели в этом названии только сказочную «страну великанов» (нем. *Riese* — великан), подобную «стране йотунов», куда совершал свои поездки эддический Тор. На самом же деле этноним *Risa* является латинизированной формой готского названия «Русь» (*Ryza*)²⁶. Он прослеживается в ряде саг и может служить надежным индикатором готского происхождения того или иного сюжета. Таким образом, во властителях *Risaland* с наибольшим вероятием можно видеть полочных князей, чьи притязания на земли куронов, ливов, леттов и семигалов признавались Рижским епископом и Ордену еще в начале XIII века²⁷.

Итак, согласно сагам, биармийцы населяли угол, образуемый морем и правым берегом Двины. Их поселения уходят вверх по реке в глубь страны. На левом берегу Двины лежит «пустыня» [311], которую знает Отер, иногда определяемая как «безлесая и плоская равнина» [308]. В ней можно видеть «нейтральную территорию», разделяющую владения куронов и биармийцев, которые в таком случае будут соответствовать ливам на карте Фр. фон Кейсслера²⁸. В этой «пустыне» терпит поражение Регнер, а Стурлаугсага приводит любопытное объяснение ее появления. По словам саги, биармийцы во время большого голода начали приносить жертвы зверю Угг. Ему бросали в пасть золото и серебро и этим вскормили так, что зверь этот стал злейшим и страшнейшим. Он пожирал людей (человеческие жертвоприношения?) и скот и опустошил таким образом всю область к западу от Двины [311].

О быте и хозяйстве биармийцев больше всего мы узнаем из саги об Эгиле, где находится удивительный по реалистичности текст о поезд-

²² Глум в песне об Эйрике Кровавая Секира отмечает направление набега Эйрика: «напав с северной стороны» [394].

²³ Сказание о Торкиле Адальфари, Стурлаугсага, Босасага.

²⁴ А. Стринггольм. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. Ч. I. М. 1861, стр. 241.

²⁵ К. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л. 1969, стр. 372.

²⁶ В «Гутасаге», не вызывающей сомнения в ее готском происхождении, следующим образом описывается маршрут эмигрантов с острова Готланд, в конце странствия достигших эллинистического Причерноморья: (после равнины Даго они) «поехали вверх по воде, что зовется Дюна (Дупа — Двина) и вверх через Рюсаландию (*Ryza-land* — Русь); так далеко ехали они, что прибыли в Грикландию (*Grikland*)... Так поселились они там и еще живут, и еще сохранили нечто от нашей речи» («Сага Гутов». Перевод и примечания С. Н. Сыбомятчиков. «Живая старина», СПб, 1892, вып. I, стр. 42).

²⁷ Генрих Латвчйский. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938, стр. 59.

²⁸ Там же, карта.

ке Торольва и Эгиля «восточным путем», перенесенный Снорри Стурлуссоном, как можно думать, из более древней саги. Упоминание «Курляндии» не должно смущать, поскольку топография убеждает, что перед нами традиционное устье Двины с Двинским лесом в отдалении. За лесом находятся обширные поля, обнесенные изгородами (от леса и пастбищ); среди полей — хутора, состоящие из домов и различных хозяйственных строений²⁹. Наряду с животноводством и земледелием биармийцы занимаются охотой (белычьи, бобровые и соболя — куньи? — меха) и торговлей, имеют довольно сложную социальную структуру (ополчение, военачальники, «короли», жречество, рабы), имеют святилища (священные рощи, «храмы») и какое-то храмовое хозяйство(?). У них есть общественные дома, куда они собираются на пиршество, а после торговли с викингами и последующей попойки (тризна?) устраивают на лугу пляску [118—119].

Описания святилища Йомалы, аналогу которому пытались отыскать у финно-угорских народов Севера, Сибири и Среднего Поволжья, сохранились в нескольких сагах. Из них наиболее подробны рассказы Босасаги [295—297] и саги о Торира Собаке [408—410]. Свидетельства эти особенно важны для нас потому, что позволяют поставить вопрос об этнической принадлежности биармийцев. Согласно сагам, святилище Йомала (Йормала)²⁹, напоминающее топоним «Юрмала»³⁰ на южном берегу Рижского залива, неподалеку от устья Двины, находилось в некотором отдалении от морского берега, на поляне в лесу, как можно понять «вычищенное место». Святилище окружал забор (частокол?) с воротами. В некоторых фантастических сагах (например, о плавании короля Горма), сохранивших reminiscencies о биармийских святилищах в виде «страны мертвых», указывается, что на колья ограды надеты человеческие головы [347]; Стурлаугсага рассказывает, что «храм» стоял на «западном берегу реки, на равнине» (то есть в стороне современной Юрмалы) и весь был «янтарносветящийся», как можно перевести слово «allglaesiligt» [308]. Если последнее указание снова возвращает нас в Glaesisvellir Годмунда, в котором мы узнаем древнюю Куронию, то вражеские головы на кольях ограды находят параллель в рассказе Генриха Латвийского о семигалах, которые в сражении отрезали головы у убитых ими литовцев, сложили их на одни сани «и повезли их в Семигалию»³¹.

Внутри ограды святилища Босасага помещает священного быка (которого Тиандер отождествляет со зверем Угг Стурлаугсаги [312]), и таинственную птицу «гамм», или «гамр». Там же находится жилище жрицы (60 жриц Стурлаугсаги [308]). Известия Торира Собаки таких подробностей не знают, но в дальнейшем оба источника единодушны, помещая в центре святилища «истукана», на коленях которого стоит серебряный котел («чаша, которую не смогли бы осушить четыре человека»), наполненный золотом и серебром. Что это именно котел, а не «чаша», убеждает поведение Торира Собаки, «надевшего» его ушками на руку (то есть просунув руку сквозь обе ручки) и так его унесшего. На «истукане» надета «золотая корона» и висит драгоценная гривна («монисто» — торквес), которую Карли сбивает ударом топора. От этого удара у «истукана» падает «голова», как будто она не составляла одного целого с фигурой, «чему все удивились». Здесь же распо-

²⁹ «Исландские саги», стр. 142—144.

³⁰ Из повествования саг неясно, что означает «Йомала» — имя божества или название местности (топоним), где находилось святилище («святилище в Йомале»). Последнее более вероятно, поскольку викинги вряд ли могли знать имена биармийских божеств, доступ к которым им был воспрещен, а имя табуировано. (Ср. «Юмала». «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Т. ХLI. СПб. 1904, стр. 371—372, где Юмала, согласно финской мифологии, — бог молнии и грома, то есть Перун.)

³¹ Генрих Латвийский. Указ. соч., стр. 79.

ложен главный объект вожделий викингов — куча земли с драгоценностями, «курган». Другие саги знают только один этот курган. Об его происхождении мы узнаем со слов Торира Собаки: «Когда у биармийцев умирает богатый человек, то деньги его делаются так, что наследникам достается только часть, а мертвому половина, третья часть или меньше; доля мертвого выносится в лес, иногда прячется в кургане или земле; иногда устраивают особые хранилища» [408]. В саге об Оуде виночерпий сообщает несколько иную версию: за каждого, кто умирает, и за каждого, кто рождается, несут туда горсть земли и горсть серебра [119].

Я уже говорил о трудности определения этнической природы биармийцев, учитывая мозаику племен Восточной Прибалтики. Сложность увеличивается от нахождения среди них норвежцев (Орвародсага, виночерпий, выступающий против своих соплеменников [119]), шведов (стоящий во главе биармийского ополчения швед Тунинг [331]), данов (Аки с сыновьями³²). И все же такую попытку сделать можно. Бесхитрое описание святилища биармийцев удивительным образом совпадает с тем, что нам известно о святилищах кельтских племен, начиная с их местоположения (священные рощи, священный лес), устройства, роли жриц, культа мертвых голов, обязательных атрибутов кельтских божеств (священный котел, гривна — торквес³³), и вплоть до такой специфической черты, как металлическая (набивная) личина божества, крепившаяся к дереву и упавшая от удара Карли по «истукану»³⁴. Переживание сходных с кельтскими погребальных обрядов на этой территории в XIII в. отмечает «Хроника» Генриха Латвийского (сожжение)³⁵. Поразительное совпадение находим и в пресловутом «кургане драгоценностей», представляющем храмовое сокровище. Вот что пишет о культовых кельтских сокровищах Я. Филип: «Известно, что кельты совершали большие жертвоприношения перед битвами и после их победного конца, а на священных местах оставляли часть военных трофеев. Об этом упоминают Цезарь и Посидоний, а Страбон говорит о больших вотивных кладах вольков-тектосагов в священных местах и заводах у Толозы (Тулуза). Там был якобы большой клад необработанного золота и серебра, который римляне захватили в 106 г. до н. э. Согласно Диодору, золото как жертвоприношение богам было обычным явлением в кельтских священных местах и «храмах», которых было очень много, и никто из местных жителей не осмеливался до него дотронуться»³⁶.

Можем ли мы поставить знак равенства между кельтами и биармийцами? Спешить не следует, но учитывать такую возможность необходимо. В пользу подобного предположения свидетельствует не только святилище Йомалы, но и любопытное замечание Тацита об «эстиях», «обычай и облик которых такие же, как у свевов, а язык ближе к британскому»³⁷, то есть к кельтскому языку бриттов. Свидетельство Саксона Грамматика и норвежских саг, одинаково помещавших Годмунда с его Glaesisvellir в Биармию, позволяет распространить замечание Тацита более широко на биармийцев вообще, поскольку остается неизвестным, кого именно из восточнобалтийских народов подразумевал римский писатель под именем «эстиев».

Наконец, в нашем распоряжении имеется еще один источник сведений — личные имена. Так, у короля биармийцев Гарека есть дочь Эдда и два сына — Сиггейр и Ререк (Hraegекг); у Годмунда, владельца (или

³² «Исландские саги», стр. 143.

³³ Я. Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961, стр. 151—153, 164, 168 и сл.

³⁴ Там же, стр. 160—161; ср. описание Перуна русской летописи: «постави... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ» (ПВЛ. Ч. 1. М.-Л. 1950, стр. 56).

³⁵ Генрих Латвийский. Указ. соч., стр. 120.

³⁶ Я. Филип. Указ. соч., стр. 166.

³⁷ К. Тацит. Указ. соч., стр. 372.

держателя?) Glaesisvellir — сестра Лейда и дочь Ингибиорг [301, 297 371] — имена, хорошо известные в балтийском Поморье и даже на Руси. Это заставляет вспомнить работы А. Г. Кузьмина об этнической природе варягов и их восточнобалтийском происхождении³⁸. Выводом из них является гипотеза о существовании обширного кельтского массива на территории Восточной Европы, частью своей выходявшего на юго-восточное побережье Балтики в I тыс. н. э. Все вышеизложенное эту гипотезу подтверждает.

Последнее упоминание имени «бьярмов» — бежавших от татар, крестившихся в Норвегии (перекрещивавшихся?) и поселенных в фьорде Малангр, — содержится в саге о короле Хаконе Хаконссоне³⁹ (середина XIII в.). Кто эти «бьярмы» — сказать трудно. Равным образом они могут быть жителями Владимиро-Суздальской земли, бежавшими вместе с Андреем Ярославичем от войск Неврюя⁴⁰, и жителями Прибалтийских земель, против которых Александр Ярославич (Невский) употребил вспомогательный корпус татарской конницы. С большой долей вероятности можно утверждать, что появление в саге о Хаконе давно забытого имени биармийцев обязано трудам Снорри Стурлуссона, главы «исландского Возрождения», чья «Хеймскрингла», сохранившая и возродившая память о Биармии, попав в поле зрения английских географов XVI в., как можно думать, послужила стимулом к поиску северного морского пути на восток. В том, что именно древние саги в значительной мере определили маршрут экспедиции 1553 г. Х. Уиллоуби, а не книга Павла Иовия⁴¹, убеждает появление Биармии на известной карте А. Дженкинсона 1562 г.⁴², так как ни С. Герберштейн, ни П. Иовий и его информатор Дм. Герасимов⁴³ никакой Биармии не знают.

Что до имени, под которым в сагах упоминаются жители Биармии (бьярмы, беормы, биармы), то оно могло быть и самоназванием племени, подобно «бойям», давшим имя стране, и именем нарицательным, которое Тиандер выводит из германского «bergt», означающего «берег» [67] — то есть «береговые жители».

Результаты, полученные при решении двух первых вопросов — существования в IX—XI вв. северного морского пути и местонахождения Биармии скандинавских саг, — дают возможность подойти к рассмотрению третьего: о значении Биармии и известий о ней для периода ранней русской истории. Поэтому обратимся снова к сагам. Рассматривая их, можно заметить, что ряд саг, действие которых происходит на Руси (Гардарики), в Новгороде (Холмгард?), уже ничего не знают о Биармии и биармийцах, а земли, входившие в бывший биармийский регион, обозначают старым термином «острвег», полностью позабыв о его первоначальном значении (Сага Олафа Тригвассона). Другая часть саг знает и Гардарики, и Биармию, и «острвег», однако их сведения представляются несколько странными при сравнении с известиями русских летописей (Эймундова сага, Босасага). Наконец, существует третья группа саг, в которых ярко и точно описывается Биармия, хорошо известен «острвег», но решительно ничего не говорится о Руси (сага об Эгиле), или ее местоположение указывается где-то в отдалении, на юге (Орвароддсага, сага о Гальфдане Эйстейнссоне). Возникает впечатление, что в сагах отражены три хронологических периода в изменяющейся этни-

³⁸ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970, № 10; его же. Об этнической природе варягов. «Вопросы истории», 1974, № 11.

³⁹ Е. А. Рыдзевская. Указ. соч., стр. 328.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1, вып. 2, стр. 473.

⁴¹ Дж. Бейкер. Указ. соч., стр. 144—145.

⁴² Последняя публикация: Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М. 1974.

⁴³ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. П. Иовий Новомоский. Книга о московитском посольстве. СПб. 1908.

ческой (и политической) карте Восточной Европы. Так, для первого, древнейшего пласта, который можно датировать началом эпохи викингов (VIII в.), находим уже существующим большой балтийско-волжский путь в Хазарию (острвег), проходящий по землям биармийцев и не встречающий нигде на своем пути никаких славян. Саги второго периода отмечают картину, которую историки до сих пор могли только конструировать: наличие первых славянских государственных образований на юге и постепенное проникновение славян в Приильмень (IX—X вв.) с поглощением биармийцев и Биармии. Сама она в это время уже перестает быть легким и желанным объектом грабежа для викингов. Третий период (конец X — начало XI вв.) характеризуется окончательным сложением земель, входящих в состав Киевской Руси, подчинением прежних биармийцев и установлением нового торгового маршрута — «пути из варяг в греки».

Такая классификация позволяет внимательнее отнестись не только к известиям саг, но и к известиям Начальной летописи, в которых можно обнаружить сюжеты, находящие соответствия и параллели в сагах. Так, повесть об Олеге, воспитателе Игоря (Рюриковича), — по другой версии, князе Олеге, — его походах и смерти на родине от черепа любимого коня, полностью отвечает определенной части Орвародсаги [206—210, 217—221], причем обстоятельства не оставляют сомнений в зависимости летописного рассказа от саги, а не наоборот. Другой пример. После выяснения реального содержания понятия «биармийцы» приходится совершенно по-иному, чем прежде, отнестись к сообщениям Эймундовой саги о борьбе Бурислейфа с Ярислейфом, в котором мы привыкли видеть Ярослава I (Владимировича?)⁴⁴. Расхождение — и значительное! — саги с известиями русских летописей позволяет думать, что в Эймундовой саге отразились какие-то более ранние события, позднее контаминированные с событиями времен Ярослава I, обстоятельства княжения которого в Новгороде (Великом?) отчасти напоминают позднейшую легенду, использующую существование в Северной Руси какого-то иного Ярослава (не «Рюриковича»?). Наконец, следует обратить внимание на постоянное упоминание сагами Полоцка и полоцких властителей, представляющих столь большой интерес и загадку одновременно для ранней русской истории, как и история Старой Ладogi и окружающих ее земель.

«Открытие» Биармии, в значительной степени подтверждающее предположение А. Г. Кузьмина о кельтском массиве, предшествующем славянской колонизации, а для района Новгорода, Белого озера и Приладожья — еще и колонизации скандинавской, позволяет по-новому оценить сообщения новгородских летописей не только о призвании варяжских князей, но и о возникновении самого Новгорода. Путаная история с «хождением» словен новгородских, наименованием озера Ильмень (Ильмер), легенда о Волхове, равно, как и остальная «легендарная часть» новгородских летописей XVII в.⁴⁵, восходящая (?) к Иоакимовской ле-

⁴⁴ Н. Н. Ильин. Указ. соч.; М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. М. 1971, стр. 83—93, 129—131.

⁴⁵ С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород. 1960, стр. 47—53. Появление «легендарных» статей в летописях и хронографах середины и второй половины XVII в., которые А. Н. Попов рассматривал как «довольно оригинальную русскую попытку по образцу польских хроник, но независимо от них сочинить перво-бытную историю русских словян» (А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М. 1869, стр. 204), может быть объяснено двояко. С одной стороны, они могут быть следствием притока литературы из юго-западных областей (Украины, Молдавии, Сербии) в Россию, а с другой — знакомством с памятниками древне-северной литературы (саги). Последнее могло иметь место именно в Новгороде как во время шведской оккупации города в 1611—1617 гг., так и позднее, в результате постоянных дипломатических и торговых контактов с Данией, где именно в это время возник активный интерес к документам прошлого, выразившийся в вывозе из Исландии древних рукописей (см. Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М. 1971, стр. 14—15).

тописи В. Н. Татищева, могут быть искаженным отражением действительного обитания на этой территории кельтских племен⁴⁶, оказавшихся посредниками как между аборигенами и пришедшими сюда не позже середины X в. славянами, так и между славянами и скандинавами, начавшими «оседать» на «восточном пути» несколько раньше, во всяком случае, уже в середине IX в.⁴⁷ Этот кельтский промежуточный пласт, подстилающий пласт славянский, растворившийся в нем быстро и без остатка вместе с исконным населением на всем пространстве северо-восточной Руси — от Волго-окского междуречья (меря, весь) до Белоозера (весь) и Приладожья (чудь)⁴⁸, — начинает прослеживаться по археологическим памятникам, наиболее отчетливо проступающим в землях новгородских и на соседящих с ними более западных территориях⁴⁹.

Отложился этот пласт и в Повести временных лет. Так, для языческих жрецов, по-видимому, в полном соответствии с устной и письменной традицией, летопись сохранила этноним, под которым известны именно кельты: «волхвы», «волохи», гидроним — «Волх(о)в». Более того, рассказывая под 6579 (1071) годом об антикняжеском (антикиевском?) выступлении в Ростово-Белоозерской земле, именно там, где можно ожидать кельтские влияния и сохранение древних традиций, летопись использует терминологию кельтских жрецов, извлекающих «гобино» из спины жертвы, — иными словами, рисует жрецов, приносящих человеческие жертвы для спасения от голода и возвращения изобилия⁵⁰. Столь же не случайно «повозники», которым Ян Вышатич отдает на расправу волх-

⁴⁶ Не касаясь состава, происхождения и структуры отрывков так называемой Иоакимовской летописи (В. Н. Татищев. История Российская. Т. 1. М.-Л. 1962, стр. 108—113), отмечу лишь, что это единственный исторический документ (сочинение?) на русском языке, знающее «Бярмию» (стр. 108), которую В. Н. Татищев локализовал на Карельском перешейке («Бярмы град, у русских Корела, у финов Кексгольм» — стр. 114) — то есть современный Приозерск. На знакомство автора Иоакимовской летописи с северными сагами указывал и Б. А. Рыбаков (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М. 1963, стр. 37). Это подтверждается формой «Бярмы», восходящей непосредственно к норвежско-исландскому источнику XIII века.

⁴⁷ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. *Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. «Исторические связи Скандинавии и России»*; Г. Ф. Корзухина. *О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. «Скандинавский сборник»*. XVI. Таллин. 1971, стр. 123—131.

⁴⁸ Автор считает, что перечисленные в легенде о призвании варягов (ПВЛ. Т. 1, стр. 18) племена, на которые распространилась власть Рюрика и его «мужей», не финно-угорские. Они являются остатком древнего индоевропейского массива, сдерживавшего натиск финно-угров с востока, начиная с I тыс. до н. э. В этом убеждает археологический материал ранних периодов данной территории и мирное течение славянской колонизации в противоположность областям с укрепившимся финно-угорским населением (Нижняя Ока, Среднее Поволжье). (А. Л. Никитин. *Эпоха бронзы на Плещеевом озере. «Советская археология»*, 1976, № 1, стр. 85; см. также: Б. А. Серребреников. *Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания»*, 1955, № 6; П. Н. Третьяков. *Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. «Советская этнография»*, 1958, № 4; А. Я. Брюсов. *К вопросу об индоевропейской проблеме. «Советская археология»*, 1958, № 3).

⁴⁹ На этой же территории мне известны специфические каменные идолы, поразительно напоминающие ранние кельтские образцы, но до сих пор не привлечшие внимания исследователей (два — в Себежском музее, один — в Новгородском музее). Не менее любопытны и каменные фаллические идолы, описанные А. Н. Лявданским на территории бывшей Смоленской губернии.

⁵⁰ ПВЛ. Т. 1, стр. 117—118; «В Ирландии магический котелок был символом изобилия и бессмертия и часто помещался на священной месте или в здании. При торжествах, известных под названием гобония, в котле варилось магическое пиво («жито» текста ПВЛ.— А. Н.) для питания и подкрепления божеств» (Я. Филип. Указ. соч., стр. 171). А. Преображенский считает «гобино» русской летописи заимствованным из готского «gabeins» — «богатство», хотя и указывает на «исконное родство с ирландским «gabim» (А. Преображенский. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. М. 1910—1914, стр. 134). То же повторяет и М. Фасмер (М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. М. 1964, стр. 423), не догадываясь о восточно-кельтской основе данного слова, заимствованного и готами и славянами.

вов, вешают их тела на священном дереве кельтов — на дубе, — что специально оговаривает летопись⁵¹. Такое «отмсть» мертвым предполагает повешение за ноги. Поскольку, надо думать, с волхвами было сделано то же самое, что они исполняли над жертвами, на память приходит Гиерлейф из Гальфсаги, подвешенный в Биармии (?) за ноги между двумя огнями [281], и сцены человеческих жертвоприношений на одном из культовых кельтских котлов⁵².

Приведенные примеры, взятые, что называется, с поверхности, убеждают не только в плодотворности и перспективности исследования саг и столь же нетронутого кельтического пласта в русской истории, этнографии и археологии, заставляя по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные и понятые факты. Анализ сведений о Биармии позволил, говоря образно, расширить пространство нашей самой ранней, «предлетописной» истории, отодвинул вглубь на два-три века сведения письменных источников, не находившие подтверждения в поздних интерполяциях. Отказ от традиционных представлений о многочисленных плаваниях скандинавов в Белое море, перенесение Биармии в Восточную Прибалтику, локализация святилища Йомалы в районе Динамюде, в свою очередь, позволили шире поставить вопрос о значении кельтического элемента в истории Балтики I тыс. н. э., более отчетливо показали время существования «восточного пути», одновременного расцвету Биармии на территории позднейших эстов, ливов и куронов и предшествующего началу славянской колонизации Приильменья.

Очень возможно, что именно появление славян, ассимилировавших кельтское население, положило конец существованию и Биармии, исчезающей из поздних саг, и «пути на восток», взамен которого возникает и упрочивается днепровский путь «из варяг в греки». В этой переориентации (в полном согласии с первоначальным значением слова) действует много причин: распад Хазарского каганата, новый натиск степных народов (печенеги), перерезавших в низовьях Волги торговый путь из мусульманских стран, формирование на Средней Волге нового Болгарского царства. Но главной причиной забвения «острвега», очерчивающего для нас северные и восточные⁵³ границы территории, занятой восточно-кельтическим населением, послужило возникновение четырех центров нового славяно-русского государства (Полоцк, Новгород, Смоленск, Киев), перекрывших на севере транзитный «путь на восток» в пользу нового и более важного «пути из варяг в греки», соединившего славяно-русские центры Прибалтики с русско-славянскими центрами лесостепи, Причерноморья и Константинополем. На смену неопределенной Биармии, охватившей весь северо-восток от Балтийского моря до Белоозера и Верхней Волги, пришла консолидирующаяся вокруг новых своих центров Русь, отодвинувшая возникающей государственностью в далекое прошлое «героическую эпоху» язычества и набегов норманнов.

⁵¹ ПВЛ. Т. I, стр. 119; Я. Ф и л и п. Указ. соч., стр. 164.

⁵² Я. Ф и л и п. Указ. соч., стр. 168.

⁵³ По р. Неве, Ладожскому озеру, р. Свири, южному берегу Онежского озера, р. Вытегре, волокам современной Марининской системы, Белому озеру, ярославскому и костромскому течению р. Волги, не достигая низовьев р. Оки, занятых уже финно-угорскими племенами.